

ГЕОРГ ГЕЙМ. ИЗ АНТОЛОГИИ «СУМЕРКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»
(DIE MENSCHHEITSDÄMMERUNG)

САВОНАРОЛА

Как лилия, когда гремит гроза,
Горит глава его в чаду кадилниц
И в синей тьме тетрадей и чернильниц;
Две черные дыры в строке – глаза.

Отчаянье, как пар, клубясь вокруг,
Котлы геенны предвещает. Руки
Раскинуты как будто в смертной муке,
А небо непроглядно, как клубук.

Он что-то шепчет. Крик куда слышней.
С бичом восстал колосс, хлеща по спинам
Чистилищным огнем. По морю спин.

Кровь как вино. Он подлый раб страстей,
Прикинувшийся гордым господином, –
Паук, сучащий ножками доктрин.

ПРОКЛЯТЬЕ БОЛЬШИМ ГОРОДАМ

1.

Увенчанные мертвой головою
И черным стягом белые врата
Бесшумно растворяются. Зарею,
Зари убогим светом залита,

Видна за ними жуткая картина:
Дождь, нечистоты, духота и слизь,
Порывы ветра и пары бензина
В чаду бесшумной молнии слились.

И, дряблые, чудовищных объемов,
Нагие груди города лежат
В мучнистых пятнах – аж до окоема –
И дышат ржавью неба, и дрожат.

И – брошенные на ночь балаганы –
В лучах луны лишь явственней черны,
Железные застыли истуканы,
В бессмысленный побег устремлены.

(По улице в проплешинах рассвета
В раскачку баба, тронутая тлом,
Бредет под улюлюканье кларнета –
На нем играет бесноватый гном.

За ней, как цепь, волочится орава
Охваченных молчанием мужчин,
А гном играет пьяно и кроваво –
Хромой седобородый бабуин.

Вниз по реке, в чертогах и в тенётах,
В вертепах тьмы и в сумраке пещер,
На свалке улиц, в ямах и болотах,
Где ночь как день, а день, как полночь, сер, –

Блестит, как золотой поток, разврат.
Дитя, сося, вонзает зубки в грудь.
Старик, визжа, залез в девичий зад,
Сжигаемый желанием вспорхнуть –

Как бабочка над кустиком. Над розой.
Бьет кровь из лона. Близится содом,
Убито девство непотребной позой,
Старушечьим кровавым языком.

В бреду любви, в пыталнице застенка,
Подобно тем, кого созвал Гермес,
Они трясутся, с губ слетает пенка –
И пение дорастает до небес, –

И краскою стыда их заливает.
А те взмывают ввысь, за трупом труп.
Под звуки флейты. Боль их убивает
Стервятников одним движеньем губ.)

2.

По рынку растекается жара.
И полдень извивается в пыли.
И нищие у каждого шатра
Убогими цветами расцвели.

Они стучат жестянками пустыми.
На голове – ожогов пузыри.
И в пурпуре роскошества над ними
Сидят на тронах нищие цари.

Пред ними стол, заваленный кошмами –
На подаянье щедр базарный мир, –
Венец на голове горит, как пламя,
Которым озарен пасхальный мир.

(Но с крыш над ними проступают лики
Чудовищных богов, как чащи роз.
На арфах зноя злобные владыки
Играют дня неистовый хаос.)

Их головы увенчаны вулканом,
Который брызжет золотом святых.
И небо необъятным океаном
Шумит над ними или возле них.

С их плеч стекает гнилостное лето
И убивает мир в его огнях.
И солнце, как протухшая комета,
В последних корчах рушится во мрак.

3.

Трепещут руки, словно бы руками
Невидимыми вздыблены они.
Спешат домой челны под парусами,
От злых ветров узнав про злые дни.

Вода горит, как пламя, у причала –
И пламенем на пламени цветут
Посередине черного канала,
Тень черную бросая там и тут.

Где зданья, закопченные в середке,
Как мумии, клонятся над водой
И месяц танца желтого ошметки
Швыряет им в колодец тьмы седой.

Суда горят, как фосфор, цветом синим.
А белые ночные паруса,
Орлам подобно, рыщут по пустыням,
Какими стали нынче небеса

Над ветхими мостами. Рябь речная,

Как труп непогребенный, зацвела,
Понтон, чреватый гибелью, качая, –
И каторжанам не исчезнуть числа.

4.

В ночи жестокий грохот похорон.
Прогнулся мост под дорогами. И гроб
Зловоньем разложенья зачумлен,
Струящимся, как пакостный потоп.

Лик мертвого зацвел аквамарином,
Весь утопая в розах. Волоса
Трепещут на ветру. Ручьем невинным
Из уст стекает смертная роса.

Мертвец поет эпиталям. Флером
Одетый и задушенный венком.
Рубин, с небес упавший метеором,
Сжег сонную артерию огнем.

Он сладок в саване, как леденец.
Гниль смерти – изумительная сладость.
Так сладко может пахнуть лишь мертвец,
Так скалится лишь мертвенная пасть.

А те, за гробом, стыннут и трясутся
В дикарской пляске. Хохот их растет,
Как белый дуб, и вопли их несутся
Стремительно под самый небосвод.

По небу тучи шмыгают бессонно,
А тени их шныряют по земле.
И каждая – зубчатую корону
Светила Страха носит на челе.

5.

Проклятье вам! Но сладость ваша жжет,
Как будто распускаются уста,
Когда на башни вечер упадет
И резкой тенью ляжет у моста.

Тогда колоколами над землей
Рассыплются увядшие цветы,
И виселицы в муке золотой
Воздвигнутся, как новые кресты.

И мертвые, звучанье отвергая,
Качнутся всею трупной чернотой, –
Мышей летучих вспугнутые стаи,
Разбужены вечерней духотой.

И вот закат грядет издалека
И город станет скопищем огней –
И солнце будет мордою быка
И нашей кровью красною на ней.

УМАЛИШЕННЫЕ (ВАРИАЦИЯ)

Се – королевство. Алые уголья.
Смотрителей смирительные средства.
Репей, крапива, тернии – наследство
Безумных принцев. Небо в половодье

Захлестывает нас огней разливом, –
И, складывая пламя в письма,
Душа, змеиным ядом впоена,
Метнулась в мозг припадочным порывом.

Запутаны в одно с чертополохом
И высосаны дождевым червем,
Народец вакхов, так мы и живем,
В такт вашим плохо пахнущим эпохам.

Стежлянно легкий шаг нам с детства даден
И красных крыльев пышные ошметки.
Мы пляшем, пляшем в вашем околотке,
Бессильною стопою давим гадин.

Божественное действо. Море пламя.
Зажжен зенит небес. И мы одни.
Мы полубоги. Жесткие ступни
Вершат, круша, расправу над камнями.

Забытый Богом край в своем позоре.
Отрубленной главой качает дрок.
Кроваво алый алчный коготок
Скользит игриво в нищенском уборе.

Где дряхлое, как детство, деревцо,
Выпячивая брюхо в амулетах,
Таит от нас костистое лицо
В тени ветвей, распятых и раздетых.

Мышь выпрыгнула в пламя из норы,
Как мы, рехнувшись. Прянул клюв златой
С небес – и песнь осыпана золой,
И лебедь раньше нас шагнул в миры, –

О, сладостные звуки умиранья!
Пронизывая тело тополей,
Они с лугов лиются из полей,
Входя в голов решетчатые зданья.

Стезя кроваво-черная небес.
Забилось солнце, схваченное тучей,
Что проволокой обросла колючей
И озлатила каждый свой зубец.

Нет Господа. И неба черный грот
Пролился, полон гнева, в черный пруд,
Где тучи, в тучи втиснуты, плывут,

Чреваты ночью черных нечистот.

А в глубине пруда придавлен труп,
Вокруг него резвится рой угрей.
Вольются в уши старого старей
И юной дрянью выскользнут из губ.

Кричит жерлянка. Голубой удод
Заблеял – ей в ответ – с болот козой.
Какою вы запороты лозой,
Кто сек тебя, дурацкий мой народ?

В князя грозитесь? Зрю одних зверей,
Глухую ночь закабаливших ревом.
Меня ль бежать? Мой нож в броске багровом
Кинжала милосердия быстрей.

Все разбежались. Я стою один.
Зачем-то одолев и эту горку.
Я подбираю брошенную корку.
Немой. Умалишенный. Божий сын.

Георг Гейм. Стихи / Пер. В. Топорова // Сумерки человечества. / Сост. В. Топоров. – М.: Московский рабочий, 1990. С. 17–47

ОПРОКИНУТАЯ ВЕЧНОСТЬ. IN©ITATUS II.